

Я боюсь абасы*. В городе, понятно, я о них и не думаю, но здесь все по-другому. Каждый год мы с моей старшей сестрой Вероникой уезжаем на все лето к бабушке Уле, маминой маме. Когда мы с Вероникой идем на озеро за водой, за нами следит взглядом ворон. Он сидит на высохшей лиственнице – другие птицы никогда на нее не садятся – и смотрит. Мне от этого жутко. И я, кажется, знаю, кто это...

Когда я была маленькая и играла во дворе, бабушка всегда загоняла меня в дом, если налетал ветер. Она не давала мне даже собрать игрушки, подталкивала в спину, так что иногда я чуть не падала, и мне становилось еще страшнее, потому что эбэ** Уля добрая, и, если она так больно толкается, значит, сама боится. Не ветра, конечно. Чего-то другого... Это был не обычный летний ветер – спасение от жары и комарья, а резкий, закручивающий пыль столбом и поднимающий в воздух скошенное возле дома сено. Затихал он так же внезапно,

* Абасы – злой дух (*якут.*).

** Эбэ – бабушка (*якут.*).

как и налетал. «Он приходил...» – вполголоса сообщала вечером бабушка дедушке, и они понимающе переглядывались. «Кто приходил, эбэ?» – допытывалась я, потому что стены казались мне достаточно надежным укрытием от опасностей, притаившихся снаружи, но бабушка делала сердитое лицо и махала руками – замолчи, мол. Дедушку же вообще бесполезно расспрашивать – он, конечно, словоохотливый и любит рассказывать разное, но только то, что сам хочет.

Однако в конце концов я догадалась.

На пути к озеру есть етэх*, где давно, до войны, жил шаман. Бабушка говорит, что его имя нельзя называть. Только один раз она рассказала (причем шепотом), что у него было три сына и все трое в 1941-м ушли на фронт. А после Победы вернулись – живые и невредимые. «Бывает же такое... Всю войну в пехоте – и ни одной царапины», – вставил тогда дедушка. «Отец от них смерть отвел», – убежденно сказала бабушка. А еще сказала, что о нем нельзя попусту трепать языком, потому что «он слышит».

Высохшая лиственница стоит неподалеку от того етэха. Значит, ворон, который на ней сидит, и внезапно налетающий ветер – это все «он».

Я давно привыкла к тому, что здесь нельзя шуметь, особенно по вечерам. Кругом етэхи – не шаманские, но, когда смотришь на почерневшие, растрескавшиеся

* Етэх – брошенный дом, развалины (*якут.*).

от времени остатки бревенчатых стен, покосившиеся коновязи и ямы на месте погребов, поневоле прикусишь язык.

От одного «двора» до другого – идти и идти, иногда перелеском или болотцем. «Раньше все так жили, – говорит бабушка. – Не то что сейчас, когда соседи тебе в окна заглядывают».

Ну уж и заглядывают! В деревне усадьбы просторные, и, чтобы заглянуть в чье-нибудь окошко, надо обладать снайперским зрением. Но бабушка все равно считает, что жизнь в деревне – у всех на виду, и они с дедушкой с ранней весны до поздней осени живут в сайылыке*, где, кроме них, никого нет.

Сайылык – это дом, амбар, хотон**, обнесенные не забором, как дачи городских, а изгородью из жердей. Прошлым летом у нас неделю гостила Вероникина подруга Тамара. Она раньше ни разу не бывала в деревне и такой изгороди в глаза не видела. Подошла к ней в первый день и спрашивает: «Где калитка?» Я удивилась: «Нет здесь калитки». Тут удивилась она: «Перелезть через нее, что ли? Высоко же». Да зачем перелезть, когда можно спокойно пролезть между двумя жердями! Мы пролезли, а потом Тома сказала: «Тот, кто это придумал, воров не боялся». Но изгородь – не от воров, а от коров.

* Сайылык – летнее жилище (якут.).

** Хотон – хлев (якут.).

Хотя от такой коровы, как бабушкина Джоборо, никакая изгородь не спасет. Любые хитроумные затычки и задвижки она выталкивает носом, а потом шурует рогами, отодвигая жерди в сторону. Из-за этого простыни и одежду после стирки можно вывесить во дворе, только если ее нет поблизости: она носкоедка почище стиралки, и вообще любая тряпка для нее — деликатес.

Но за Джоборо не всегда уследишь. «Будь она человеком, из нее бы вышел супервзломщик», — сказала Тома, разглядывая то, что осталось от ее любимой футболки. Да Джоборо и в коровьем обличье неплохо справляется! Больше всего бабушка с дедушкой боятся, как бы она не забралась на чужой покос. Хорошо, что по эту сторону озера — наша земля.

Само озеро очень большое. Оно начинается недалеко от бабушкиного дома, а где заканчивается — я не знаю.

На другом берегу все лето маячат маленькие фигуры — не разобрать даже, мужчины или женщины, только белые рубашки мелькают. Сенокос...

Тракторы с косилками не везде могут работать из-за кочек. Люди — работают.

Земли у нас мало, вот и приходится лезть чуть ли не в озеро: дедушка, стоя в болотных сапогах по колени в воде, косит траву. Если подойти поближе, слышно «вжик, вжик» — коса со свистом срезает осоку, но издали кажется, что он машет косой совершенно беззвучно — как далекие фигурки на том берегу.

Мы с Вероникой – в резиновых сапогах, старых джинсах и рубашках с длинным рукавом, несмотря на тридцатиградусную жару, – граблями с длинной ручкой выгребаем скошенную траву на сушу, а она мокрая, тяжелая и цепляется за все, что можно.

Увидел бы меня наш физрук – сразу бы поставил пятерку за четверть, а то и за год. Я от него только и слышу: «Четверку я тебе, Эртюкова, ставлю разве что за старательность». Но физ-ра по сравнению с сенокосом – курорт.

Самое ужасное здесь – комары. Возле озера их тучи, поэтому мы повсюду таскаем с собой старые кастрюли с тлеющим кизяком*. Дым ест глаза, но без этого переносного дымокура никак. Нельзя же одной рукой сгребать сено, а другой – отгонять этих кровососов!

В первые дни болят руки, болит спина – все болит. Но через пару дней это проходит, правда, на ладонях остаются мозоли.

Привыкаешь даже к жаре. Зато как приятно отдохнуть в тени копны, прихлебывая прохладный чай из банки, который дала с собой бабушка; вокруг стрекочут кузнечики, а с неба, где, распластав крылья, парит коршун, доносится его тоненький крик, похожий на долетевшее издали ржание жеребенка...

* Кизяк – сухой навоз.

Тамаре на сенокосе пришлось несладко, но она не жаловалась, только в самую жару взмолилась: «Хотя бы искупаемся!»

Вероника сомневалась: во-первых, бабушке не понравится («Мы же воду отсюда берем»), во-вторых, вязко, топко, глубоко, а в-третьих... в-третьих, про это озеро говорят, что на его берегах родится чудо-конь, быстрый как птица, на скачках равных ему не будет, но перед этим озеро заберет жертву.

— Какую еще жертву? — округлила глаза Тамара.

— Пятилетнего мальчика, — нехотя пояснила Вероника.

Ничего себе! Мне об этом она не говорила.

— А тебе не кажется, что мы староваты для жертв? — съехидничала Томка. — И к тому же не того пола.

В конце концов Вероника решила («Только отойдем подальше от дедушки»), и Тома, быстро скинув одежду и на бегу отмахиваясь от комаров, бросилась к воде, но на полпути поумерила свою прыть:

— Да тут засасывает!

— А ты как хотела, это же не пляж. Подожди, вместе пойдем. — И Вероника, швырнув рубашку поверх лежащих на земле джинсов, строго посмотрела на меня: — Глубоко не заходи, только до пояса, поняла?

Я поспешно кивнула, а то с нее станется оставить меня на берегу. А я что, рыжая?

Тома с Вероникой шли впереди, высоко заколов волосы. Распустили бы – и правда стали бы похожи на жертв, предназначенных какому-то чудищу.

Хотя Томины трусики в горошек и красный лифчик никак не напоминали одеяние жертвы. Мысленно я накинула на нее белый балахон, когда Вероника крикнула мне:

– Стой где стоишь! Дальше ни шагу!

И ее тоже – в пасть чудовищу. Пусть там покомандует.

– Ныряем? – повернулась к ней Тома. – Раз, два...

На счет «три» обе скрылись под темной водой.

А я стояла. Ноги все глубже погружались в ил, в ноздри бил запах тины, вокруг колыхались водоросли – настоящий подводный лес. Тут, наверное, и пиявки есть. Или... что похуже? По спине пробежал холодок, кожа покрылась пупырышками.

Внезапно мне показалось, что там, в глубине, шевельнулось что-то огромное. С визгом я метнулась к берегу, уже зная, что не добегу, но тут рядом вынырнула Вероника и накинулась на меня:

– Чего орешь?

– Там... там...

– Где «там»? Что «там»? – Вероника была такая злая, что я подумала: если бы ее и правда отдали чудищу, еще вопрос – кто бы кого растерзал.

Вынырнувшая следом Тома, отфыркиваясь, подплыла к нам:

- Что за шум, а драки нет?
- Там кто-то есть...
- Конечно есть. Карась какой-нибудь.
- Сама ты карась! Он большой.
- Насколько? Между глазами плот влезет? – Тома встала рядом со мной. Вода красиво стекала по ее загорелой коже.
- Какой плот?
- Из десяти бревен.
- П-почему из десяти?
- Ну, так про лабынкырское чудовище рассказывают. Не слышала, что ли? На Севере озеро есть, Лабынкыр называется. В нем чудовище живет. Оленей с берега помаленьку таскает, собак тоже жрет. Мальчика как-то слопало – пятилетнего или не пятилетнего, я не знаю. Его дед после этого бросил в воду для приманки кожаный мешок с горячими углями и заарканил зубастое чудовище. Оно потом издохло на берегу, не оставив для науки даже костей. Но его потомка видели русские геологи.
- А зеленых чертей они не видели? – Вероника все еще злилась на меня. – Все, пошли на берег. Хорошенького понемножку.
- ...Ни бабушка, ни дедушка ничего не сказали им по поводу купания. Зато сказала начальница почты Клара, когда мы через два дня заглянули туда по дороге в магазин: «Мои на покосе совсем про работу забыли. Дед жаловался – сидят целый день с биноклем в камышах...»

Вероника и Тамара с хохотом выскочили на крыльцо, а Тома еще вспомнила: «Девки в озере купались, их надежды оправдались». Она любила стихами разговаривать – когда уезжала, продекламировала: «Целое лето – без света и интернета! Вы просто героини».

Люди ушли из этих мест после войны. Сейчас выбирают сюда летом на сенокос – в объезд озера на тракторах и мотоциклах, а осенью по ягоды – по топтаным в лесу коровьим тропкам. Они, в отличие от человеческих, узенькие, к тому же изрытые копытами так, что идти неудобно. Мы с Вероникой ходим по ним в магазин за хлебом.

До деревни километра четыре, но кажется, что намного больше, особенно когда за плечами рюкзак, полный горячих буханок. Спину припекает, голову тоже, да и вообще я чувствую себя так, будто меня сунули в пышущую жаром печку. Из-за проклятого комарья на нас не только штаны и резиновые сапоги, но еще и куртки.

Когда в Якутске был чемпионат России по вольной борьбе, по телевизору показывали спортсменов – они хором жаловались на комаров, хотя какие в городе комары! Здесь никто из этих борцов, наверное, не выжил бы, думаю я, глядя на маячащий впереди Вероникин рюкзак, который намного тяжелее моего. Но я еле поспеваю за ней. Каждый сапог будто весит тонну, лямки рюкзака больно врезаются в плечи, а деловитое комариное гудение скоро, кажется, пробурлит мозг...